

Проблема противопоставления «труда» и «политики»: концептуальные подходы Х. Арендт и П. Вирно

© М.А. Максимов

Калужский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана, Калуга, 248000, Россия

Статья посвящена рассмотрению актуальных научных подходов к анализу противопоставления «труда» и «политики». Раскрываются основные характеристики современной политической деятельности. Особое внимание уделяется перспективам развития «множества» как нового политического субъекта в современном мире. Ставится вопрос о возможных путях трансформации современной политической системы.

Ключевые слова: политика, труд, действие, рационализация, множество, всеобщий интеллект.

«Действие, как и все сугубо политические феномены, неразрывно связано с человеческой множественностью, которая представляет собой одно из фундаментальных условий человеческой жизни в той мере, в какой основывается на факте вхождения в мир: в человеческий мир постоянно вторгаются чужаки, вновь прибывшие, чьи действия и чью реакцию не могут предвидеть те, кто уже живет в этом мире и через какое-то время его покинет» [1, с. 93]. Эти слова Ханны Арендт, на мой взгляд, не утрачивают своей актуальности в контексте реального политического опыта и нестабильности современной политической системы. Продолжается нерегулируемое включение в политический процесс масс населения, которое воплощается в нарастающем потоке требований к государственным органам власти. Возможно, современная политическая система в скором времени достигнет предела в процессе согласования групповых интересов, что, в свою очередь, грозит резким обострением гражданских конфликтов [2]. Множественность и многоликость стилей жизни и моделей поведения требует постоянного переосмысления и систематизации, в том числе и в рамках политической теории.

В такой ситуации особую ценность представляют концептуальные подходы Х. Арендт и П. Вирно, в русле которых довольно удачно интерпретируется современная политическая деятельность. Безусловно, эти подходы не претендуют на целостное объяснение глобальных политических процессов, но при этом могут поспособствовать осмыслению сложностей, возникающих в ходе выстраивания демократической политики. Х. Арендт и П. Вирно уделяют особое внимание конструированию новых публичных пространств, поэтому представляется важным прояснить, каким образом данные авторы определяют условные

границы сферы политической деятельности. Также актуальным остается вопрос о степени совпадения «политики» в своих основных характеристиках с повторяющимся рутинным трудовым процессом.

Отправной пункт рассуждений Ханны Арендт содержится в ее предположении, что труд, политическая деятельность и интеллектуальная рефлексия образуют три четкие сферы радикально неоднородных принципов и критериев [3]. Во многом она отталкивалась от аристотелевской традиции, заложенной «Никомаховой этикой». Разумеется, не имелось в виду формальное понимание различия в характере той или иной деятельности: ведь прекрасно известно, что реальный политический процесс тесно связан с теми или иными проблемами производства и не чужд интеллектуальному осознанию происходящего. Каким же образом следует понимать смысловое содержание данной триады?

В рамках концепции Арендт труд представляется как органический обмен с природой, производство новых объектов, повторяющийся и предсказуемый процесс. Что касается политического действия, то оно вмешивается в систему социальных отношений и напрямую связано с возможным и непредсказуемым. В связи с этим оно не загромождает общественную сферу все новыми объектами, а изменяет сам социальный контекст, то есть установленные взаимоотношения между участниками социальных процессов. От интеллектуальной рефлексии политическое действие отличается степенью публичности и способностью «быть выставленным на обозрение других». Тем самым понятие политического действия можно вывести исходя из его противоположности по отношению к двум другим сферам: «В то время как процессы изготовления растрачивают свою энергию на изготовление и угасают в своих конечных продуктах, энергия, расковавшая действие, не угасает в событии: ни одно отдельное деяние недостаточно мощно, чтобы ее исчерпать, и даже после совершения деяния, словно ничего не сделано, она может еще расти и множить последствия содеянного» [3, с. 309]. Тем самым политическое действие придает импульс развитию системы общественных отношений и способствует плюрализму форм жизнедеятельности.

По мнению Д. М. Носова [4, с. 25–31], успех работ Х. Арендт в значительной степени обусловлен именно поиском глубокого фундамента под происходящими политическими процессами. Прежде всего, политическая деятельность имеет своим фундаментом свободу как глубинное проявление человеческого взаимодействия. Суть политической деятельности, согласно Арендт, выражается в свободе, и область, где «свобода переживается — это действие». [1, с. 221]. Человек нуждается в общем публичном пространстве, где он будет встречаться с другими свободными людьми, другими словами, необходим политически организованный мир, в котором каждый из сво-

бодных людей может заявлять о себе и претендовать на что-либо. «Политическая сфера в смысле греков подобна такой непрерывно длящейся сцене, где в известном смысле есть только выход, но нет ухода, и эта сфера возникает непосредственно из бытия-друг-с-другом, общительного соучастия в словах и делах. Таким образом, действие не только в теснейшей связи с публичной частью мира, обща нами обитаемого, но оно та деятельность, которая вообще впервые только и создает». [3, с. 262]. Разумеется, участие в публичной сфере жизнедеятельности напрямую связано с осознанным и свободным выбором человека. Подлинная же свобода человека заключается именно в возможности совершать действие, имеющее значимость в окружающем человека мире — мире людей (таким действием может быть, например, публичная речь).

Чтобы показать неразрывную связанность свободы человека и его контактов в социальном окружении, Аренд использует сравнение сферы политики с исполнительскими искусствами. «Исполнительские искусства... сродни политике. Артисты-исполнители танцоры, актеры, музыканты и т. п., чтобы продемонстрировать свою виртуозность, нуждаются в аудитории, подобно тому, как люди действия испытывают потребность в присутствии других людей, перед которыми они могут явить себя. И тем и другим для их «работы» необходимо публично организованное пространство, и в самом исполнении они зависят от других людей». Греческий полис был некогда именно той «формой правления», которая предоставляла людям пространство явленности, где они могли совершать поступки, своего рода театр, на сцене которого могла появляться свобода [1, с. 233]. Насколько это состояние «виртуозности» политической деятельности сохранило свою актуальность в современной исторической практике?

С точки зрения Х. Арендт, политическая практика в XX веке продемонстрировала постепенное исчезновение границ между трудом и политикой. Политика в определенной степени начала подражать труду — это воплотилось в процессе фабрикации новых объектов: административных учреждений и партий с развитым бюрократическим аппаратом. В условиях тоталитарных и авторитарных режимов человек из «политического существа» систематически превращается в «animal laborans», в придаток государственной машины. Представительные институты все больше отстраняют обычных граждан от участия в политической жизни, за принципом всеобщего избирательного права скрывается групповая дифференциация между теми, кто принимает решения, и теми, кто лишен такой возможности. Индивидуальное же решение сводится к «отрешению от своей индивидуальности», чтобы лучше функционировать — «сам по себе биологический жизненный процесс, активный обмен веществ человека с природой, как он осуществлялся в труде, смог достичь такой чудо-

вищной интенсивности, что его растущая результативность в конечном счете угрожает самостоятельности самого мира и продуктивной способности, которой он обязан своим возникновением» [3, с. 417]. То есть в сравнении с жизнью греческого полиса политическая реальность сегодняшнего общества оказалась довольно обедненной, отличающаяся пассивностью и отягощенностью неразрешимыми конфликтами. И даже в современных демократических государствах конкретная политическая деятельность, претендующая на изменение сложившегося «статуса-кво», сталкивается в рамках политической системы с барьерами формальной рациональности. Еще М. Вебер, отмечая несомненные преимущества рационального господства, тем не менее, признавал его латентные, скрытые опасности в виде «иррациональных элементов»: 1) человеческие действия заменяются бюрократической и машинной технологией; 2) сводится к минимуму фактор человеческого разума при угрозе дегуманизации последнего; 3) бюрократические технологии вызывают агрессивные реакции у самих чиновников, которые постепенно становятся функционально ненужными административной системе.

Американский социолог М. Ритцер в своей работе «Макдональдизация общества» [5] характеризует современную общественно-политическую систему как обладающую четырьмя рациональными «достоинствами»: экономической эффективностью, количественной просчитываемостью, предсказуемостью (отсутствием неожиданностей) и развитой структурой контроля над человеческой жизнедеятельностью. Ритцер предполагает, что рациональные социальные системы неизбежно порождают иррациональность — дисквалификацию работников, превращение их в роботов, действующих по строгой программе и выполняющих только стандартные операции. Политическая деятельность, например, превращается в предсказуемого качества «сдобное изделие», начинка которого просчитывается, контролируется и варьируется в зависимости от результатов опросов общественного мнения, рейтингов кандидатов на должности, характера потребителей и т. д. Общение политика с избирателями утрачивает личный контакт и все чаще осуществляется через телерекламу. Макдональдизация, будучи новой версией рациональности, несомненно, способствует развитию целерациональных действий, формирует эффективные, предсказуемые и контролируемые поведенческие акты. При этом, на мой взгляд, макдональдизация в большей степени имеет тенденцию создавать специфические социальные связи, в которых люди, по существу, низводятся до абстрактных технических ресурсов, что способствует воспроизводству дегуманизации человеческих отношений и, как следствие, — воспроизводству социальной напряженности и конфликтов. Личная гражданская инициатива планомерно сводится к массовому участию, которое, в свою очередь,

предполагает внешнее управление (административное вмешательство, финансовое влияние крупных корпораций, манипулятивное воздействие СМИ) [6].

Разумеется, на технологическом уровне процесс «макдональдизации» в Америке, Европе и России способствует в некоторой степени снижению рисков и опасностей, обеспечивая эффективность и предсказуемость решения многих политически важных и повседневных проблем. Но данная политическая практика с неизбежностью уменьшает общение законодателя, представителей партий, политических движений и рядовых граждан и минимизирует творчески-критический потенциал восприятия информации и степень созидательности политической жизни. Уменьшение степени созидательности неизбежно приводит к тому, что человек перестает творить свою жизнь, соглашаясь подчас с благополучной, но пассивной ролью своего существования. Кроме того, ограничение или умаление созидательного начала нередко является дополнительным стимулом деструктивности.

По мнению Ж. Рансьера, современная эпоха — «эпоха, когда осмысление абсолютной жертвы запрещает полемические игры субъективации неправоты»; эпоха, в которую «политический спор невозможен по двум причинам: потому что его насильственность препятствует разумному согласию между частями и потому что перехлесты его полемических воплощений оскорбляют жертв абсолютной неправоты» [7, с. 174]. Политика превращается в консенсуальную общность сочетаемых интересов, смыслом которой становится постоянный поиск технологий воспроизводства «добропорядочных граждан» [8]. Возникает логичный вопрос: является ли неразрешимой дилемма между «трудом» и «политикой» в рамках современной политической системы?

Итальянский мыслитель Паоло Вирно, исследуя актуальные возможности политической деятельности в своей работе «Грамматика множества», видит выход из указанного противоречия в реалиях современного производства. С его точки зрения, так называемый постфордистский труд способен в полной мере использовать те способности и качества, которые традиционно связывались, скорее, с политическим действием. Вирно полагает, что политика предоставляет гораздо менее вариативную коммуникативную сеть, чем та, что задействована в современном производственном процессе. Постфордистский труд вполне материален по своему процессу, но его продукты носят нематериальный характер. Процесс такого труда совпадает с его результатом — это деятельность, результат которой не объективирован в продукте. Несмотря на это, данная деятельность требует присутствия «других», аудитории, публичной сферы. Эти особенности взаимосвязаны: не производя «конечного продук-

та», действующий человек вынужден опираться на свидетельство других.

Наиболее ярко «политичность» проявляется в сфере культурной индустрии, так как именно там создаются произведения, неотделимые от самого действия. В сфере культурной индустрии желательно сохранять открытым определенное пространство для неформального, незапрограммированного, для неожиданных порывов, коммуникативной и мыслительной импровизации, что, в свою очередь, способствует улучшению производительности. Вирно пишет: «Трудовые действия демонстрируют свой очевидный лингвистически-коммуникативный характер, что влечет за собой необходимость присутствия других. Монологическая особенность труда пропадает: отношения с другими становятся изначальным, базовым элементом, а не чем-то поверхностным. Там, где труд появляется рядом с непосредственным производительным процессом, производственная кооперация, вместо того чтобы быть просто компонентом труда, становится «общественно организованным пространством». Это «общественно организованное пространство», втянутое в трудовой процесс, мобилизует способности, традиционно считающиеся политическими» [9, с. 71]. Но для того чтобы участники обозначенного «общественного пространства» смогли развить себя и преодолеть бинарную оппозицию «труд-политика», должна образоваться сфера так называемого General Intellect.

Если обратиться к классическому определению К. Маркса, то General Intellect представляется как совокупный интеллект общества (наука, познание, степень социальной производительности). По моему мнению, General Intellect требует виртуозной деятельности в политическом аспекте, так как проявляется в непосредственной активности коммуникативного действия. Как считает Вирно, «интеллект становится общественным, когда соединяется с трудом. Однако необходимо заметить, как, соединившись с наемным трудом, искажается и подавляется свойственная ему публичность. Каждый раз заново вызываемая в качестве производительной силы, она снова подавляется в качестве публичной сферы (в буквальном смысле слова), этого событийного истока политического действия и альтернативного конститутивного принципа».

Итак, на мой взгляд, General Intellect отчасти позволяет преодолеть разделение коммуникативных и познавательных способностей. Но можно заметить, что публичность «всеобщего интеллекта» в современном мире проявляется в сфере государства через гипертрофированный рост административных аппаратов. Вирно, как и Арендт, приходит неизбежно к выводу, что административный аппарат являет собой авторитарное сращивание с General Intellect, «точку соединения знания и приказа, перевернутый образ избытка кооперации» [9, с. 79].

Причем, в отличие от Ритцера, который говорит о процессе «рационализации» государственных институтов, Вирно констатирует, что в современном мире происходит стремительное огосударствление интеллектуальных способностей человека. Virtuозная же деятельность выражается в различных формах сервильного труда: «когда «продукт неотделим от акта его производства», этот акт вызывает вопрос о личностных характеристиках человека, который его совершает, и прежде всего об отношениях между этими характеристиками и тем, кто приказал совершить акт производства, или тем, для кого он предназначен. Если мы заставим работать нечто, являющееся общим, то есть интеллект и язык, то безличное техническое разделение функций, с одной стороны, окажется нереализуемым, а с другой стороны, не имея возможности быть переведенным в публичную сферу (или, точнее, в политическое сообщество), оно начнет побуждать к вязкой персонификации процесса подчинения» [9, с. 80–81].

Каким же образом видится путь объединения раздробленных сфер деятельности — Труда, Интеллекта и политического Действия? С точки зрения Вирно, изменение сложившихся социальных отношений может проявиться только с установлением негосударственной публичной сферы, политического сообщества, имеющего в своей основе General Intellect. Негосударственная публичная сфера понимается как публичная сфера, которая соответствует способу бытия множеством. Она пользуется некой «коммуникативной публичностью», внешней, ясно видимой и разделяемой всеми особенностью Интеллекта. Мыслить политически здесь означает способность видеть вещи с множества точек зрения. Но насколько данная «коммуникативная публичность» может сконструировать новую демократическую публичную сферу? В чем будет выражаться политическое действие, базирующееся на General Intellect?

Вирно предлагает два спорных варианта: гражданское неповиновение и исход. Возможно, «гражданское неповиновение» представляет собой основную форму политической деятельности множества. Напомним, что под «множеством» понимается некое «большинство», живущее в современных мегаполисах с широким диапазоном стилей жизни и форм публичного поведения, совокупность различных групп образованных жителей крупных городов. Разумеется, факт гражданского неповиновения выражается стандартно в пренебрежении каким-либо конкретным конституциональным нормам. Множество же имеет намерение «поразить именно изначальное подчинение, подчинение без всякого конкретного содержания, на базе которого может потом развиваться печальная диалектика покорности и «транссессии» [9, с. 83–84]. Но поскольку для большинства граждан существует определенная общая заинтересованность в сохранении и безопасно-

сти, то указанное гражданское неповиновение будет характерно, скорее, для небольших локальных групп.

Что касается «исхода», то для Вирно данный способ состоит в «неумной изобретательности, которая меняет правила игры и сводит с ума компас противника». Он приводит пример такой деятельности в Италии конца 1970-х гг., когда, вопреки всем ожиданиям, представленная главным образом молодежью рабочая сила предпочла сезонные работы постоянной занятости на больших предприятиях, спровоцировав нарушение производственной дисциплины и допустив существование определенного уровня самостоятельности. Утверждается, что «исход» выбирают те граждане, которые обладают избытком знаний и коммуникативных навыков и не желают превратиться в очередной придаток государственной администрации или капиталистического предприятия.

По всей видимости, для Вирно политическая потенциальность множеств чаще проявляется в феноменах негативного характера: с одной стороны, труд множеств имеет тенденцию становиться «подневольным» трудом, связанным с архаической формой личной зависимости, с другой стороны — политически он выявляется лишь через неподчинение и «бегство» (или «исход»). «Всеобщий интеллект» представляется как способ связи множеств при отсутствии публичной сферы, но он имеет тенденцию к объективации в бюрократическом аппарате администрирования постфордистского общества. Отсюда современная трактовка социальных процессов как «деполитизированных» (Ж. Бодрийяр, Ж.-Л. Нанси, Ф. Лаку-Лабарт). Но, как пишет А. Пензин, для П. Вирно политическое, скорее, потенцируется, уходит из обветшавших форм и институтов государства, «скрыто аккумулируясь в пространстве нематериального труда и новой универсальности «всеобщего интеллекта», ожидая своего часа для актуализации в других пространствах политического действия» [10].

Согласно интерпретации Вирно, современная общественно-политическая система переходит постепенно в некое состояние, называемое «коммунизм капитала». В частности, это означает снижение подавляющей и принуждающей функции государственных институтов и повышение ценности творческого труда. В обстоятельствах, когда устаревающие формы государственного устройства сотрясает кризис, концепт множеств приобретает особое актуальное значение. По мнению А. Пензина, программа-минимум Вирно — «инициировать процесс политизации новых социальных образований» [10]. И вполне возможно, что перспектива поиска и учреждения форм, которые могли бы воплотить в реальности новую историческую потенциальность, более интересна, чем разговоры о «вечном» и «непреходящем» общественно-политическом статусе-кво.

Но насколько устойчивыми и плодотворными будут эти новые формы человеческого взаимодействия? Формы жизненного пребывания «множеств», с моей точки зрения, как раз отличаются «неукорененностью», неопределенностью, ростом тревоги и поиска безопасности в изменившихся социально-политических условиях. Данный статус приобретает перманентный характер, так динамичность рынка труда в текущих условиях приводит неизбежно к поиску новой работы. Кроме этого, интеллектуальная активность множеств часто выражается непродуманным или эклектичным образом, не приводя к систематизации предыдущего опыта. Для Вирно «бездомные» множества превращаются в специфические сообщества отделившихся от традиционных классов единиц. Их «интеллектуальность» связана не с актами мысли (книги, математические формулы и т. д.), но с простой способностью к мысли и вербальной коммуникации. В таком случае растет опасность мистификации и романтизации понятия множества и свойственного ей «активного действия».

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Для Х. Арндт и П. Вирно политика является процессом осознания положения человека в мире. Пространство политического действия представляется как сфера свободы, где индивиды становятся самоопределяющимися субъектами. Согласно П. Вирно, новым коллективным субъектом в современном мире может явиться «множество».

2. В динамично меняющихся социально-политических условиях формы жизненного пребывания большинства граждан отличаются «неукорененностью», неопределенностью, ростом тревоги и поиска безопасности. Это усложняет процесс политизации новых социальных образований и поднимает новые вопросы о возможностях трансформации современной политической системы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арндт Х. *Между прошлым и будущим*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2014, 416 с.
- [2] Арндт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб., Алетейя, 2000, 437 с.
- [3] Вирно П. *Грамматика множеств*. Москва, Ад Маргинем, 2013, 176 с.
- [4] Дмитриев Т.А. Осовременивая Макса Вебера: Джордж Ритцер и его теория макдональдизации. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2011, № 1(101), с. 222–226.
- [5] Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? *Политические исследования*, 2014, № 1, с. 10–28.
- [6] Носов Д.М. Ханна Арндт — философ? *Вопросы философии*, 2014, № 4, с. 25–31.
- [7] Пензин А.А. *Паоло Вирно: «Грамматика множеств» как антропология капитала*. URL: <http://sinijdivan.narod.ru/sd8rez1.htm>
- [8] Рансьер Ж. *На краю политического*. Москва, Праксис, 2006, 240 с.

[9] Рансьер Ж. *Несогласие*. СПб.: Machina, 2013, 192 с.

[10] Ритцер М. *Макдональдизация общества*. Москва, Праксис, 2011, 592 с.

Статья поступила в редакцию 09.12.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Максимов М.А. Проблема противопоставления «труда» и «политики»: концептуальные подходы Х. Арендт и П. Вирно. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 2. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/222.html>

Максимов Михаил Александрович — канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: mikecloud@mail.ru

“Labour” against “politics”: conceptual approaches by H. Arendt and P. Virno

© M.A. Maksimov

Kaluga Branch of Bauman Moscow State Technical University, Kaluga, 248000, Russia

The article provides a review of modern scientific approaches to analyzing contraposition of “labour” and “politics”. It reveals certain distinctive features of modern political activity. The author gives special attention to “multitude” as a new political subject, its development and prospects in modern world. The author challenges his readers inviting them to explore possible ways of modern political system transformation.

Keywords: *politics, labour, action, rationalization, multitude, overall intelligence.*

REFERENCES

- [1] Arendt H. *Mezhdú proshlym i budushchem* [Between the Past and the Future]. Moscow, Gaidar Institute Press Publ., 2014, 416 p.
- [2] Arendt H. *Vita active, ili o deyatel'noi zhizni* [The Human Condition]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2000, 437 p.
- [3] Virno P. *A grammatika mnozhestva* [A Grammar of the Multitude]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2013, 176 p.
- [4] Dmitriev T.A. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny — Monitoring of Social Opinion: economic and social changes*, 2011, no 1 (101), pp. 222–226.
- [5] Lukin A.V. *Politicheskie issledovaniya — Political Studies*, 2014, no. 1, pp. 10–28.
- [6] Nosov D.M. *Voprosy Filosofii — Problems of philosophy*, 2014, no. 4, pp. 25–31.
- [7] Penzin A.A. *Paolo Virno: “Grammatika Mnozhestva” kak antropologiya kapitala* [Paolo Virno: “A Grammar of the Multitude” as the anthropology of capital]. Available at: <http://sinijdivan.narod.ru/sd8rez1.htm>
- [8] Rancière J. *Na krayu politicheskogo* [On the Shores of Politics]. Moscow, Praxis Publ., 2006, 240 p.
- [9] Rancière J. *Nesoglasiye* [Disagreement: Politics and Philosophy]. St. Petersburg, Machina Publ., 2013, 192 p.
- [10] Ritzer M. *Makdonal'dizacija obshchestva* [The McDonaldization of Society]. Moscow, Praxis Publ., 2011, 592 p.

Maksimov M.A., Ph.D., assoc. professor of the Department of Philosophy and Political Sciences at Kaluga branch of Bauman Moscow State Technical University. e-mail: mikecloud@mail.ru